

Марина Балужева

**ПОБЕГ ИЗ
СМЕРТЕЛЬНОГО
РАЯ**

Марина Балусева

**Побег из смертельного
рая. Научная фантастика**

«Издательские решения»

Балуева М.

Побег из смертельного рая. Научная фантастика / М. Балуева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901216-6

Инопланетяне в который раз озадачены поведением жителей Земли, всемогущие спецслужбы опять терпят поражение в битве с одиноким свободным человеком, темные силы материализуются, а борьба за бессмертие превращается в банальную пальбу, — вот далеко не полный перечень сюжетных линий сборника Марины Балуевой. Чуть ироничным, легким и точным стилем изложения автор удерживает внимание читателя от первой до последней страницы. Книга обращена к широкому кругу любителей традиционной научной фантастики.

ISBN 978-5-44-901216-6

© Балуева М.
© Издательские решения

Содержание

Дурочка	6
Печаль моя светла	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Побег из смертельного рая

Научная фантастика

Марина Балужева

Редактор Марина Михайловна Гулько

Корректор Марина Михайловна Гулько

Дизайнер обложки Валентина Гредина

Иллюстратор Марина Шатуленко

Художественный редактор Любовь Викторовна Гулько

© Марина Балужева, 2017

© Валентина Гредина, дизайн обложки, 2017

© Марина Шатуленко, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-1216-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дурочка

Ликоване практически не знали смерти. Ткани и жидкости их серовато-белых, гладких и обтекаемых тел постоянно возобновлялись. Ткани имели способность к абсолютной регенерации, а недостающая жидкость впитывалась кожей во время купания. Дышали они тоже кожей. Одежду не носили. Старение у них не происходило. Войн они не вели.

Если кто-нибудь из ликован погибал от несчастного случая, к примеру, придавленный упавшей скалой во время пешего перехода в горах их удивительной и вечно цветущей планеты Лико, или во время космических исследований, или от непредсказуемых причин, его товарищи уединялись группой на некоторое время для сосредоточенного поглощения энергии Большого Пространства, и, в конце концов, один из них раздваивался, подарив, таким образом, планете точную копию погибшего, а иногда в отдельных специфических случаях по решению Совета Старейшин (к которому причислялись немногие, не прошедшие Процедуру) – копию себя самого.

Личность погибшего сохранялась, но память у него пропадала. Иногда новичок смутно припоминал что-то, но это было редко. Численность населения и его качество таким образом поддерживались в стабильном состоянии миллиарды оборотов планеты Лико вокруг пурпурного светила Ассинит.

Другого порядка вещей ликоване не знали. Периодическое истощение энергии тел восстанавливалось во сне, который происходил всегда под звездным небом, и свет звезд преобразовывался в энергию тел.

Вот почему, когда капитану космического корабля Гленни Седьмому из Приморских Областей Лико поручили наблюдение за неизвестной красивой голубой планетой, на которую случайно наткнулась их предыдущая экспедиция, капитан был немало удивлен и, прежде всего, уязвимостью тех существ, которые там обитали, их беспорядочной и нелепой жизнью.

До того, как была обнаружена эта голубая планета, поиски других цивилизаций были безуспешны. Точнее, цивилизации были найдены, но контакты практически невозможны, так как их формы жизни, растениеподобные или в виде слизи, или в виде спор, никак не подлежали идентификации ни по одному из параметров, ни в чем не были сравнимы с формами жизни на Лико. Но вот поиск, наконец, дал какой-то первичный результат. Была найдена планета с развитыми и аналогичными ликованам формами жизни. Однако радоваться все еще было рано.

Жители этой планеты, несмотря на некоторое внешнее сходство, оставались загадкой для ликован. Эти существа ежедневно должны были пополнять запасы энергии, заталкивая в специальное отверстие срезанные растения и плоть убитых живых существ низшего порядка, а в редких случаях даже подобных себе. И все равно этой энергии не хватало даже тем, кто успешно справлялся с поиском этого странного топлива, не говоря уже о тех, кто не был столь успешен в поисках добычи. Их ткани изначально имели очень низкую способность к регенерации, а после некоторого отрезка времени эта способность и вовсе прекращалась. Их мучил страх, привязанность друг к другу и одновременно взаимная ненависть. Полная безэмоциональность также была для них мучительна и считалась дефектом. Они убивали друг друга за любую возможность продлить свою способность перерабатывать растения и живую плоть, а также за множество странных вещей вокруг себя, не всегда умея их идентифицировать. Но иногда они добровольно давали себя убить, взамен оставляя в живых тех, к кому испытывали привязанность или симпатию. И тогда их умершие тела излучали сияние. Но это случалось редко. Через их агрессию и страх уходило много невозобновляемой энергии, ткани и жидкости со временем переставали восстанавливаться даже частично, и в конце концов жители этой странной планеты переставали жить. Кроме того, они сражались большими группами,

сами не понимая за что, и опять же убивали друг друга ради территорий, которые занимали этими большими группами, имеющими разные обычаи и ритуалы. Они сражались за признание своего ритуала лучшим, силой доказывали то, что не получалось доказать аргументами.

Чтобы пополнить количество убывающего населения они должны были временно соединять два разных вида своей породы в одно и мучительно производить на свет маленькое существо, наследовавшее признаки своих производителей по смешанному принципу, и еще более уязвимое и беспомощное, чем они сами. Их жизнь была очень трудна. Оставалось только недоумевать, зачем Великий Разум Большого Пространства создал их. Какова была цель?

Гленни посмотрел в широкий иллюминатор над гладкой поверхностью пульта управления, расцвеченной пятнами всех цветов спектра. Проведя верхней конечностью по желтому пятну, он многократно приблизил к себе изображение планеты, висящей снаружи в безвоздушном пространстве. Стали видны жилища, укрывающие жителей от воздействия стихий, закружились большие площади почвы, на которой выращивались растения, шедшие на биотопливо для живых существ, массивы лесов, водоемы. По ровным утрамбованным линиям двигались в разных направлениях механизмы, предназначенные для перенесения живых тел и мертвых грузов в разные места планеты.

– Думаешь, с чего начать? – Гленни почувствовал, как его напарник Аси Сто Восьмидесятый из Горных Областей Лико вошел в помещение управления кораблем.

Ликоване легко понимали друг друга без каких-либо приспособлений и знаков: простым обменом мыслями. Лишь иногда, в особо трудных случаях мысли подкреплялись жестами. Людям с неведомой голубой планеты (условно названной Око) для общения необходимы были сначала вибрации мышц и волокон, расположенных в том же отверстии, куда поступала периодически партия порубленных растений или термически обработанной, некогда живой, плоти. Вибрации мышц создавали колебания воздуха, которые в свою очередь приводили к вибрации в перепонке внутри головы принимающего информацию существа. Стоит ли говорить, что информация поступала адресату, зачастую подвергшись всевозможным искажениям. Начиная даже со смысла, с того факта, что отправляющий информацию житель голубой планеты нередко с трудом определял, какие именно вибрации надо создавать, поскольку не считывал даже собственные мысли (какое несовершенство!), но все равно продолжал вибрировать. А тот, кто принимал вибрации, большей частью создавал в собственной голове искаженные образы и превратный смысл этих посылов. Все это было удивительно ликованам. Такое поврежденное естество живых существ, с какой целью? Похоже, что даже низшие твари на Голубой Планете, разнообразные по виду и размерам, покрытые часто густым волосатым покровом, были более развиты в чем-то по сравнению с высшими, поскольку обменивались в основном мыслями, жестами и запахами, причем, с гораздо большей точностью. Ликоване знали и различали запахи и пользовались этой способностью в дополнение к обмену мыслями, а также для получения дополнительной информации об окружающей среде. Запахи они чувствовали через маленькие, едва видимые, отверстия под глазами. Сейчас вся камера с большим иллюминатором наполнилась благоуханием тела Аси Сто восьмидесятого, напоминавшим благоухание цветов на лугах планеты Лико. Аси прошел специальную школу, давшую ему знание о том, как синтезировать в своем организме эти запахи родной планеты, чтобы создавать хорошее настроение у экипажа, и Гленни подумал о себе, что по всей вероятности, сам он излучает озабоченность, и это подвигнуло Аси на такое утешение.

Исследователи с Лико уже неоднократно терпели неудачу в попытках понять и описать живых интеллектуальных существ с голубой планеты. Все они, кого удавалось захватить на поверхности Око, все излучали страх, подавляющий всякую возможность общения. Некоторые кричали «Бесы, бесы...». На Око существовало множество вибраций для этого понятия, в зависимости от территории, с которой бралась проба. Означало оно всегда одно и то же. Подразумевались некие сущности, продукты пустоты, лишенные связи с Великим Разумом.

Вероятно, эти немыслимо глупые жители голубой планеты путали ликован с пустотными сущностями, порождением зла, с оборотной стороны Большого Пространства. Некоторые принимали ликован, за то, что есть, именуя «пришельцами» и неумело скрывали свой страх под фальшивой дружелюбностью. Но фальшь, как и страх, была также большим препятствием как для считывания информации приборами, так и для общения, обмена мыслями. Приходилось возвращать эти неудачные пробы обратно. И в дальнейшем на Око они уже не могли жить прежней жизнью, повреждались их мозговые процессы, многие быстро погибали. А некоторые погибали еще до возвращения на Око, прямо в космическом корабле ликован. От них оставалась материя, которая быстро разлагалась, была опасна наличием болезнетворных молекул, но – самое главное – уже не представляла для ликован никакого интереса. Ведь тяжелую материальную часть планеты Око они довольно быстро изучили еще в самом начале исследований.

Ликованам не хотелось грубо вмешиваться в процессы, происходящие на голубой планете. Ведь потерявшие рассудок, изменившие личность или умершие оковане уже не могли действовать и проявлять свою волю, а значит, вмешательство уже вносило свои поправки в течение этой формы жизни. Что было безусловной неудачей каждого такого эксперимента.

– Думаешь, получится на этот раз? – поступил еще один настойчивый сигнал от Аси. Вот все они, многовоплотившиеся, теряют какую-то часть такта, и начинают приставать с очевидностями. Ну, почти уже как жители голубой планеты. Гленни постарался скрыть свои мысли от Аси, направив их к оранжевому пятну на панели управления, где хранилось нечто вроде его личного дневника. Он записал туда, что, возможно, жители голубой планеты являются результатом деградиционного процесса, результатом произошедшей некогда катастрофы, которая привела к таким немыслимым результатам. Эту гипотезу необходимо проверить. Может, эта участь ждет когда-нибудь и их благословенную планету Лико? Не хотелось бы.

Сейчас внимание Гленни и Аси было приковано к небольшому пятну среди пространств почвы, производящей питание, с одной стороны, и леса – массива растений с твердыми стержнями между зеленых ветвей – с другой. Пространство было заставлено ветхими укрытиями, много лет назад построенными из твердых стержней этих лесных растений, но уже наполовину сгнившими, но не заменяемыми, так как брать новые стержни неподалеку было нельзя: это запретили другие оковане, которые распоряжались ресурсами и часто довольно странным образом, не рационально и по справедливости, но направив обмен исключительно на собственное обладание материальными предметами и живыми телами в количестве, намного превышающем их потребности. Самое примечательное, что они таким образом, через обладание предметами убивали или приглушали внутри себя тот вечный страх, который носили в себе все почти оковане. Было и еще одно обстоятельство, не позволявшее неимущим окованам приобрести более благоустроенные жилища: все обитатели данной местности давно разучились строить укрытия из стержней растений и зависели поэтому от специальных личностей, умеющих это делать.

Ныне в ветшающих день ото дня строениях, рядом с лесом жило некоторое количество окован. Большинство из них привыкли ежедневно разрушать свой мозг ядовитыми жидкостями, для того, чтобы мозг переставал думать и непрерывно генерировать страх. Надо сказать, жидкости действовали эффективно в этом направлении: страх улетучивался, способность думать тоже. Но брать для исследования особь, достигшую бесстрашия таким образом, ликоване не могли, поскольку особь давала бы искаженную информацию и общение все равно было бы невозможно.

В прошлое посещение с планеты удалось извлечь существо, внушающее надежду. Самое интересное, что обращались к существу именно с этим словом «надежда» и именно так называли, указывая на него. Почему название существа было обозначено именно так, ни Гленни, ни Аси, никто из других членов экипажа не могли пока догадаться. Возможно, это было связано

с некоей миссией, а, может, и нет. Ведь самоназвания большинства окован никакой связи с их жизнью чаще всего не имели.

Особь, которая привлекла их внимание в прошлый раз, еще едва только вышла из состояния беспомощности, свойственного вновь появившимся на свет окованам, и приближалась к тому состоянию, когда сама сможет произвести на свет новое существо, причем, именно выращивая его с начала жизни внутри собственного организма. Но пока Надежда об этом не думала и не знала об этом почти ничего. Она занималась тем, что выращивала посаженные вокруг строения растительные виды биотоплива, поддерживающего жизнь окован, разыскивала это биотопливо в ближайшем лесу, носила в дом живительную влагу, состоящую из соединенных молекул двух газов (ликоване знали эту важную для жизни жидкость), которую черпала возле дома в источнике, где жидкость била из-под почвы наружу.

Она была светловолосой и светлоглазой, но самое главное, что делало ее необычайно ценной в глазах ликован (не в их выпуклых фасеточных глазах, а во мнении) была ее неспособность к расхождению между мышлением и действием, свойственной большинству окован и так затруднявшему контакты с ними. Однако, оковане, жившие рядом с Надеждой, были уверены в ее умственной неполноценности и часто называли дурочкой, что на их языке означало значительную степень пренебрежения и интеллектуального превосходства.

Те две особи, что произвели когда-то на свет Надежду, регулярно, каждый оборот голубой планеты вокруг своей оси, отравляли свой мозг ядовитой жидкостью, формула которой была пока неизвестна ликованам, но которую они надеялись разгадать в ближайшее время. Отравившись до полного безумия, производители Надежды засыпали, а вся забота по жизнеобеспечению ложилась на ее плечи. Это было несправедливо и бессмысленно, как и все, что делали оковане. Было трудно определить алгоритм их жизни. Как ни бились ликоване над этой задачей, истина все равно ускользала.

Надежда была не единственным отпрыском своих производителей. Всего отпрысков они произвели на свет шесть. Но все предыдущие были отобраны у них теми окованам, которые распоряжались ресурсами. Распоряжающиеся оковане были обеспокоены сомнением (это было фальшивое сомнение, истинные мотивы непонятны), что Петровы (таково было общее имя Надежды и ее производителей) не смогут обеспечить своих отпрысков всем необходимым для жизни. Это было разумное по видимости сомнение, базирующееся на фактах. Но эти слабые особи Петровы поступили жить под заботу других окован в строение, населенное большим количеством таких же недорослых особей, где все они очень страдали, так как им не хватало еще одного, важнейшего, источника энергии, помимо растений, жидкостей и плоти убитых живых существ. От отсутствия этой энергии они становились апатичными, их организмы функционировали с перебоями и они часто безвременно погибали от болезней или от невидимых причин.

Этот таинственный источник энергии также изучался ликованам, и так же безуспешно. Трудность усугублялась еще и тем, что источник был нематериален или настолько тонок, что ставило его в один ряд с источниками, принятыми на планете Лико, но что не делало задачу идентификации более легкой.

Звездолет снизился и завис над полем, покрытым изумрудного цвета растительным покровом. Завтра часть растительности исчезнет, образуя рисунок из геометрических фигур, над которым оковане будут потом долго ломать голову, как это было уже неоднократно. Но что поделаешь, чтобы скрыть следы своего пребывания, ликованам пришлось бы затратить неоправданно большое количество энергии. А они были очень экономны.

Гленни взглянул на разноцветный пульт. Красное пятно интенсифицировалось, обрело круглую форму и пульсировало.

– Ее нет здесь – подумал он и утвердился в этой мысли, поскольку Аси у него за спиной подумал то же. Гленни переместил синее пятно на красное, получив пурпурный цвет, что озна-

чало экстренный поиск, и через секунду они знали, что Надежда перемещена в дом для незрелых отпрысков окован, который был расположен в ближайшем пункте расселения, но только с домами, сделанными из твердого вещества. Это несколько сбilo их с толку (как обычно) потому что одна из гипотез гласила, что она оставалась в доме, чтобы поддерживать жизнь старших Петровых, несмотря на их настойчивое желание эту жизнь прекратить. Значит, ликоване опять ошиблись.

Задача становилась труднее, чем предполагалось. В прошлый раз, когда они приблизились к планете, им удалось вступить в контакт с Надеждой и узнать множество полезной информации о планете Око. Надежда почти не знала страха, только боль, говорила, что думала. Мысли ее были просты и одновременно наполнены следами воздействия той таинственной энергии, определить которую и пытались ликоване.

Когда они впервые забирали Надежду к себе в звездолет, один из ее производителей, с лицом, заросшим волосами, и ужасно злой от недопития ядовитой жидкости, издающий неприятный запах, бежал за ней, крича

– Надька! Слышь, Надька?!.. Куды поперлась та... На кой тебе ети глисты лупоглазые сдались... Это ить у меня только белая горячка, допилси уже, а у тебе ведь все в порядке... Вернись, доча!

Петров бежал за ней до самого звездолета и еще показывал им свои верхние костлявые конечности с загнутыми и сжатыми пальцами, что означало угрозу. Почему он угрожал ликованам, было им непонятно, он ведь ничего не мог им сделать. Так же было непонятно, почему он назвал их кишечными паразитами-червями? Как он мог так грубо ошибиться? Неужели ядовитая жидкость уже совсем разрушила его мозг? Но, что самое интересное, его внутреннее состояние в этот момент диагностировалось как подключение к неведомому источнику энергии и даже тогда, когда он испытывал сильную внутреннюю боль, и из глаз его лилась жидкость, производимая его организмом, даже тогда он еще оставался подключенным к этому источнику. Но потом он еще выпил немного другой жидкости, ядовитой, нанес телесные повреждения своей спутнице жизни, другой особи-производителю, и вследствие этих действий совсем отключился от источника таинственной энергии. Неразумно, как и все, что делали оковане. Однако данное наблюдение давало повод для интересных экспериментов в дальнейшем.

Наблюдать истечение жидкости из глаз было занятно. Тем более, что это явление сопровождалось сигналами о крайней степени неприятных ощущений, вплоть до невыносимых. Называлось это боль. Она существовала в мире окован для сигнализации о повреждениях и опасности. Ликоване не знали боли. Им достаточно было небольшого дискомфорта, чтобы определить нежелательность происходящего с их телом, разумом или возможностями общения. А на окован, с их грубым восприятием, даже сильные болевые воздействия зачастую не оказывали ожидаемого влияния. Ни о чем не предупреждали. Они не понимали ни свой организм, ни окружающую среду.

Сейчас контакт не получался. Прежде всего потому, что выявить сразу местоположение Надежды было невозможно. Навигатор не показывал направления. Аси даже вспотел от напряжения до такой степени, что почувствовал необходимость принять ванну и пополнить запас жидкости в организме. Он отправился в свой персональный бокс, чтобы побыть в воде некоторое время. Неужели задача останется невыполненной?

Неожиданно запульсировало зеленое пятно на пульте. Гленни провел по нему трехпалой гибкой конечностью и звездолет резко вознесся, чтобы приблизиться к поверхности Око уже в другом месте.

Звездолет завис над полем неподалеку от населенного пункта, состоящего частью из ветхих домов растительного происхождения, частью из разрушающихся искусственных строений, напоминающих наборы жилых ячеек. Только несколько строений были новыми и просторными внутри. Кругом было множество ненужных использованных вещей, не шедших в переработку,

а почему-то валявшихся тут и там, как попало. Вода в протекавшей вблизи реке была непригодной для купания, поскольку была отравлена производством еще каких-то новых вещей. Зачем им нужно такое громадное количество вещей, явно превышающее потребности? Об этом тоже следовало подумать. Но сейчас не до того.

На пульте запульсировало синее пятно и они одновременно получили информацию, что Надежда еще здесь. Но она очень подавлена эмоционально, так как недавно произвела на свет новое существо, которое назвала Серафимом, услышав это имя по телевизору, и теперь ее уже по законам приюта для недорослых выгоняют из этого дома (наверное, обратно к Петровым – гипотеза), но отбирают у нее это новое существо. Надежда не хочет расставаться с Серафимом.

Информация совсем сбила с толку Гленни и Аси. Почему такая алогичность в который раз учиняется на планете Око? С какой целью? Было совсем непонятно, как случилось, что Надежда была сначала насильственно соединена с несколькими недорослыми и взрослыми окованами (это практиковалось в питомнике, так как практиковавшие испытывали удовлетворение от власти над слабыми, гасили так свой страх), а потом у нее стали вдруг отбирать то существо, которое она в связи с этим произвела на свет. Информация была и о том, что Надежда испытала очень много боли. Материальной и нематериальной. Но что она могла сделать с этой болью, и зачем ей эти сигналы, если нет возможности изменить ситуацию? Болевые сигналы надо было бы испытать тем, кто так все запутал в жизни Надежды.

Аси вернулся из своего бокса, распространяя запах соленого моря и вибрации воздуха, создаваемые волнами. Это помогало Гленни сосредоточиться на приеме мыслей с поверхности Око, что сейчас было особенно трудно, так как интересующая их особь уже начала репродуцировать неосознанный страх. Наконец, Гленни сделал взмах рукой, велел Аси сосредоточиться. Прием пошел. Надежда просила забрать ее и Серафима, а также еще несколько недорослых окован и одно существо низшего порядка вместе с ними. Вот они уже бегут по полю: впереди Надежда, на одной руке у нее Серафим, другой рукой она держит за руку маленькую Анну, а за ними еще ватага маленьких окован. Все они покрыты этими странными покрывами из растительных волокон, шерсти низших тварей и искусственных заменителей. Передвигаются медленно, не быстрыми плавными прыжками, как это делают ликоване, а так, как это свойственно окованам, слабым по природе, да еще и маленьким: перебирая нижними конечностями. Иногда падают, поднимаются и бегут опять. Между ними мечется, издавая резкие звуковые колебания, маленькая низшая тварь, покрытая обильным волосатым покрывом рыжего цвета, по имени Баксик.

– Однако, это удача – посылает сигнал Аси, благоухающий цветами радости, цветущими высоко в горах на планете Лико.

– Подожди, – отвечает Гленни – хватит ли у нас биотоплива для них, на все время перелета? Сможем ли поддерживать их жизнь?

– У них чистые мысли, с ними легко контактировать, а это самое главное. Значит, мы сможем что-то придумать для поддержания их слабых тел на нашей планете. В крайнем случае, обратимся к Великому Разуму Больших Пространств.

– Посмотри, – перебивает его Гленни, указывая на пульсацию красного пятна на пульте, что означало сейчас неожиданные сведения – Надежда поддерживается все тем же загадочным источником энергии, она излучает эту энергию. И... – он в изумлении уставился на пульт.

– Это энергия самого Великого Разума – заключает Аси, в неменьшем изумлении.

...Надежда бежала по бывшему совхозному полю, давно заросшему сорной травой. Она старалась попадать ногами в колею, оставленную колесами трактора, кое-где наполненную стоячей дождевой водой. Но бежать быстро все равно нельзя было: малые не поспевали. Она остановилась на минуту и, оторвав руку от Анны, поправила чепчик на голове мирно спящего Серафима. Девочка вцепилась ей в платье.

– Я тут, моя хорошая, – погладила ее по голове, и, слегка повернув голову вбок, стараясь не оборачиваться и не смотреть назад, крикнула – Сашка, давай быстрее, и держи за руку Рустама крепко. Быстрее, быстрее...

В темнеющем от близкого дождя небе метались и кричали чайки с окрестных больших озер. «Самое главное – не оглядывайся и не смотри назад», – шептала она себе. Оставалось совсем немного шагов.

Печаль моя светла

– СОБСТВЕННО, это всего лишь навсего небольшое усиление того, что дано природой, совершенно естественный процесс, и ненадолго, всего на месяц-другой, кхе-кхе-кхе... – произнес вдалеке незнакомый мужской голос.

Голос был мягким, вкрадчивым. Шприц в латексных руках медсестры оказался в фокусе. Голубая капля на кончике иглы стала искриться и переливаться светом, как звезда, потом обрела очертания человеческой фигуры. Прекрасной женщины в сверкающем костюме и расплывающимся нечетким лицом. Женщина вдруг стала смеяться, все громче и громче. Лицо кривилось. Смех ее раскатистым эхом отдавал в ушах Игната...

Он очнулся на тротуаре. Перед глазами была мокрая брусчатка, в которой отражались разноцветные огни уличной рекламы, переулок напротив уходил вниз, как этого никогда не бывало в его городе, мимо сновали туда-сюда чьи-то ноги, обутые в сапоги, кроссовки, ботинки. Было холодно.

– Гражданин, эй, гражданин, – чья-то нога осторожно дотронулась до его колена. – Здесь нельзя лежать, вставайте.

«Опять алкаш в мое дежурство, ну до чего ж достало все, хочу домой, к пивасику и телику», – услышал вдруг Игнат. – «Оформлять его? Или дотащить до ближайшей скамейки, да и оставить там?»

– Я не алкаш, – хотел сказать он, но из его рта вылетали нечленораздельные звуки. Язык не слушался.

«Вроде запаха нет, может, инсультник какой? Для инсульта, вроде, молод слишком. Документов никаких... Таак-с... Вот проблема-то».

Чьи-то руки шарили у него за пазухой.

– Я встану, сейчас, подождите, я сам встану – проговорил он с трудом, на этот раз выговорив большинство звуков, и начал подниматься, поддерживаемый рукой тучного полицейского средних лет с простоватым красным лицом. Рядом с ним стоял напарник, юный, тощий и бледный, ну просто заморыш какой-то. Он переминался с ноги на ногу и шмыгал покрасневшим носом.

«А если это приступ, и мы не отправим его в больницу, и он умрет? Надеюсь, Михалыч знает, что делает».

На крыльцо бутика напротив вышла девушка в длинном норковом манто цвета кофе с молоком. Ее бледное лицо с правильными чертами было грустным. Она словно не решалась никуда идти, смотрела в сторону отрешенно. Игнату подумалось, что свободные современные девушки носят куртки, стоят в пикетах против убийства животных и всегда знают, что им делать. А те, что в норковых манто, стоят вот так на крыльце где-нибудь, не по своей воле, причины разные, но факт один – редкую даму такого сорта назовешь счастливой.

– Михалыч, – сказал Игнат, уже почти четко, лицо старшего патрульного при этом вытянулось, а бесцветные, слегка навывкате глаза выражали крайнее изумление. – Там вон, парень, что стоит возле дерева, возле туи в кадке, у бутика, капюшон на голове, он высматривает, у кого бы сумочку дернуть. Не решается, потому что вас видит. Уже двух дамочек подходящих упустил.

Разноцветная движущаяся реклама бутика на противоположной стороне пешеходной зоны, смутно знакомой, когда-то виденной в чужом городе (не в Москве ли?), делала сцену неправдоподобной, словно все происходило на дискотеке. Толпа двигалась в разных направлениях за спиной у Михалыча. Гул голосов сплетался с гулом мыслей, хотелось заткнуть уши, отключить мозг.

Пристальный взгляд патрульного заledenел. Он сказал младшему, не оборачиваясь и не спуская взгляда с Игната и крепко держа его за локоть

– Санька, вызывай наряд, это не простой жмурик. Кажись, душит нам голову.

– Успеете вызвать. Лучше пусть перейдет улицу, парень в зеленой куртке с капюшоном на голове свернул за угол, он идет вниз по переулку за женщиной в шубе с большим пакетом, будет пытаться вырвать портмоне, когда она станет открывать машину.

– ИТАК, вы утверждаете, что незнакомы с подозреваемым Слепченко, и никаким образом не связаны с ним деловыми или иными отношениями, верно? – дознаватель, молодой человек лет двадцати пяти откинулся на спинку стула.

– Утверждаю, – кивнул Игнат

– И имени своего не помните, и кто вы, не можете сказать?

– Не могу

– А на попытку грабежа указали, потому что читаете мысли, так?

– Выходит, что так.

Бледное лицо дознавателя приобрело злое выражение.

– Ладно. Что я сейчас думаю?

– Вы думаете, что если двинуть мне как следует в челюсть, я быстро перестану ломать комедию и расколуюсь как орех и, если бы не двадцать жалоб уже на ваше отделение, можно было бы быстро решить вопрос, а теперь приходится тянуть резину.

Тягостное молчание заполнило кабинет дознавателя. Затянувшаяся пауза довольно вовремя была прервана появлением человека в форме, который что-то сказал на ухо дознавателю. Губы дознавателя вытянулись в ниточку, и он выплюнул беззвучное ругательство.

– Сразу бы сказал... Ладно... – он встал и направился к двери. – Только время потратили... – Дверь за ним захлопнулась, и через минуту в этой неприглядной комнате с облезлыми стенами появился высокий господин в костюме из дорогой ткани и знаком приказал человеку в форме выйти. Потом он встал на табуретку, вынул из нагрудного кармана нарядный шелковый клетчатый платок и замотал им глазок камеры в углу. После этого сел напротив Игната и пристально посмотрел ему в глаза. Игнат не отвел взгляд, но и не ответил ничего. Наконец, незнакомец не выдержал и заговорил свистящим полусшепотом.

– Хорошо. Спрошу вслух. Какого... хрена ты стал помогать ментам? Было сказано делать совсем другое. – Он держался прямо и даже улыбался слегка.

– Я вас вижу впервые. Не знаю, почему вы со мной на ты. Я помог не ментам, а девушке. Она только что из больницы после попытки суицида. Грабеж на улице мог бы вернуть ее в прежнее состояние.

– Ха, и ты помог богатенькой сучке, забыв про те цели, которые перед тобой поставлены. Те крупные цели. Недоумок.

Игнат промолчал. Еще несколько вопросов последовало от этого человека, который был ему знаком, но которому он не хотел ничего отвечать и сделал вид, что не узнает его. И когда уже он ехал в машине, в этом просторном благоухающем авто, он молчал, понимая, что диалог для него в любом случае не будет выигрышным, что выход из этой ловушки только там, где он сможет оставаться самим собой.

Еще в подростковом возрасте Игнат заметил у себя эту особенность: читать иногда чужие мысли, угадывать то, что скрыто. Например, идет в канцелярский магазин за тетрадками для школы, и уже знает откуда-то, что не попадет в магазин и не купит ничего. А ведь время не обедненное и не выходной день. Это если бы он забыл, и память подсказывала. Нет, не в памяти дело. Приходит, и в самом деле видит табличку «переучет». Не мог он знать об этом переучете, и нечего ему было забывать. Он знал то, чего знать не мог. Удивительно. Уже позднее Игнат предположил, что дело в эмпатии, в угадывании чувств тех людей, что работали в магазине. Ощущение того, что они не готовы к встрече с ним, покупателем. Возможно, так. Потом

он начал отгадывать карты, показывал фокусы. Карты, конечно, не обладали чувствами. Тут было другое. Словно кончики его пальцев обладали зрением. Хотелось, чтобы кто-то объяснил, но жизнь затягивала и не давала ответа. Потом он пристрастился к игре, в которой ему везло именно по этой причине: мог угадывать. Причем, чаще он угадывал настроение людей: страх, гнев, разочарование. Пальцами считывал знаки с кусочков цветного картона. Мысли читались крайне редко. И потом, дар этот был не постоянный, он то появлялся, то исчезал. Им нельзя было управлять, нельзя было вызывать эти способности. Они давались только наитием, в особом состоянии спокойствия, ясности ума и отсутствия сильных эмоций.

И все равно, это помогало в игре. Он хорошо зарабатывал. Была забыта нищета, из которой десятилетиями не могли выбраться его родители, простые инженер и библиотекарь. Он жил бесшабашно, одним днем. Как-то постепенно забылись школьные увлечения; литература, история, мысли об университете. Все отошло на задний план, заслоненное игрой и деньгами.

Но тут его нашли эти. Сначала появился карточный долг. Конечно, тут вмешалось грубое шулерство, но как докажешь. Потом стали требовать деньги, поставили на счетчик. И вот уже он сам не заметил, как оказался в этой лаборатории, где ему вдруг стали рассказывать о великих целях спасения человечества путем раскрытия всех преступных замыслов повсюду вокруг, и что его великие способности должны служить общественному благу, и что в одной лаборатории ученые уже давно проводят опыты с интуицией и предвидением, они уже установили, какие участки мозга за это отвечают, и какие аминокислоты участвуют в этих процессах, они уже знают, как усилить эти процессы биохимически. Короче, все уже готово, а он вроде как подопытный кролик. И выхода у него нет. Живым оттуда не выйти после всех их секретов, которые он узнал, хоть и вовсе не просил об этом. А и вышел бы, куда пошел бы? Где взял бы денег? Квартиру забрали бы у мамы и сестры. Что было бы дальше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.